

Мо Гуньгунь пушистыми маленькими лапками ворошил серебристые пряди и украдкой ерзал задом, наслаждаясь совершенно новыми ощущениями, которые дарила ему чужая голова.

Безумно радуясь такому обилию волос, Мо Гуньгунь с восторгом перевернулся пару раз, как вяленая рыба.

Лу Сяоци: «.....»

Лу Сяоци, по правде говоря, слегка опешил: еще ни одно живое существо не проявляло к нему такой близости и уж тем более не позволяло себе столь вольно хозяйничать у него на голове.

Но это чувство... было приятным. Если бы кто-то из людей посмел вести себя столь нагло, генерал бы спуска не дал, однако милый и наивный пушистый комочек проявлял такую простодушную, глуповато-милую ласку, что мужчина вместо того, чтобы насторожиться, напротив, расслабился. У него даже возникло странное, уютное ощущение, что он больше не одинок.

Словно от него вовсе не отказались.

Лу Сяоци не знал, как в столице поступают с пропавшими без вести, чьих тел так и не нашли, но в общих чертах уже догадывался.

В военных сводках закралась ошибка, из-за которой вся армейская группировка погибла. Кто же стоял за этим злодеянием?

Атмосфера вокруг грозного чудовища сгустилась, казалось, его снедает тяжелая, глухая боль. Мо Гуньгунь поколебался пару секунд и протянул две маленькие лапки, чтобы похлопать его по голове.

Спокойно.

Мама в свое время точно так же поднимала его, прижимала к груди и легко похлопывала.

Конечно, его собственное тело было далеко не таким мощным, как у мамы, поэтому ему приходилось изо всех сил растопыривать лапки, чтобы обнять самую макушку великана.

Лу Сяоци: «.....»

Жажда убийства, которая еще не успела толком собраться в кулак, мгновенно рассеялась, и в сердце не осталось даже ненависти.

Лу Сяоци молча вздохнул.

Он чувствовал, как пушистик то тут, то там перебирает волоски, а в самом конце ухватил лапкой высокую прядь прямо над его лбом.

Лу Сяоци был благодарен, но в то же время чувствовал странную усталость.

Хотя радость, которую приносил малыш, действительно наполняла сердце сурового и жесткого мужчины, этот сорванец точно так же умел потрепать генералу нервы.

Лу Сяоци впервые испытывал столь сложную гамму чувств.

И он даже не догадывался, что много лет назад хозяева, заводившие домашних животных, точно так же страдали и одновременно наслаждались этим.

Но все они принимали это с радостью.

Лу Сяоци, постепенно превращавшийся в раба панды, позволил малышу творить на своей голове безобразия и играть с его волосами. Нацепив на макушку панду, он пробрался внутрь обломков боевого корабля, причем легкое потягивание за одну прядь на его голове незаметно превратилось в свирепое терзание двух пучков.

Лу Сяоци: «.....»

По прядке с каждой стороны, всё строго поровну, но кожу на голове Лу Сяоци тянуло так, что аж жгло.

Когда он наконец протиснулся внутрь звездолета, оба участка кожи на его голове уже онемели.

Лу Сяоци: «.....»

Мо Гуньгунь крепко прижался к грозному чудовищу, в ужасе дрожа. Его маленькие лапки невольно вцепились в великана мертвой хваткой.

Мо Гуньгунь: «Мхм!»

Съест, точно съест, он не хочет становиться обедом!

Услышав торопливый и испуганный писк малыша, Лу Сяоци инстинктивно почувствовал прилив адреналина, а его глаза стали острыми, как у ястреба.

Однако сколько бы они ни ждали, зловеющий ветер так и не подул.

Заметив, что грозное чудовище изменилось в лице, Мо Гуньгунь испугался еще сильнее; в его маленькой головке даже промелькнула горькая мысль: а вдруг его идея цепляться за чужие ноги изначально была в корне неверной?!

Атмосфера замерла, оба неподвижно просидели ровно десять минут.

Вокруг по-прежнему было тихо и мирно.

Мо Гуньгунь озадаченно моргнул: «Мхм?»

Он все еще жив.

Чудовище и правда оказалось очень сильным. Украдкой приподнявшись, пухлый панда начал во все стороны вертеть головой — теперь у него хватило смежности как следует рассмотреть внутренности монстра. Все оказалось гораздо сложнее, чем он думал: эта черная штуковина изнутри была вовсе не маленькой, и для крохи размером с ладошку она казалась поистине гигантской.

Металлический блеск выглядел неплохо, во всяком случае, смутные отражения человеческих фигур в нем угадывались без труда.

Мо Гуньгунь заметил их совместное с чудовищем отражение,двигающееся в такт.

В ту же секунду его смертельно испугали: шерсть у Мо Гуньгуна встала дыбом, и он со свистом снова нырнул под одежду великана, оставив торчать наружу лишь кончик пушистых задних лап.

Лу Сяоци как раз собирался открыть внутренний отсек, когда его спины коснулось что-то меховое, и он чуть было от избытка чувств не раздавил этот отсек в лепешку.

Хотя раздавить не раздавил, но металл под его пальцами и впрямь деформировался.

На и без того бугристой стене появился глубокий отпечаток ладони и царапина от удара драконьего хвоста, похожего на кнут.

Еще не понимая, как именно его собственные действия повлияли на грозного монстра, Мо Гуньгунь почувствовал себя в безопасности, а потому в нем вновь проснулся дух авантюризма: он высунул маленькую головку из ворота.

Лу Сяоци: «.....»

Мо Гуньгунь уставился на собственное отражение и молча вжался обратно.

Лу Сяоци невольно улыбнулся, но в то же время слегка растерялся.

Ничего удивительного, что малыш не узнал себя.

В Звездном союзе многие держали мутировавших инопланетных зверей, но привычка содержать домашних кошек и собак, о которых рассказывалось в записях эпохи далекой древности, давно исчезла. Однако в этих записях было одно общее примечание: многие животные яростно отвергали зеркала, совершенно не понимая, что отражение в них принадлежит им самим.

А ведь Мо Гуньгунь был самым настоящим диким панденком, который до того, как с него содрали шкуру, отродясь не видел людей. Его маму когда-то вылечил какой-то монстр и отпустил на волю — именно благодаря этому малыш обзавелся именем. Маму звали Мо-Мо, и она сказала сыну носить ее фамилию, из-за чего у Мо Гуньгуня появилось это странное прозвище.

По правде говоря, никто из других панд никогда не звал его по имени, он использовал его лишь для того, чтобы тосковать по маме. Это было единственное, что осталось у него после ее ухода.

Поэтому, помимо вполне человеческого имени, Мо Гуньгунь являлся самым дремучим и неотесанным деревенщиной.

Пережив очередное испытание и оставшись целым и невредимым, Мо Гуньгунь уселся на голове великана и склонил голову набок, всем своим видом выражая глубокое недоумение.

Ого.

Эта черная штуковина, кажется, вовсе не опасна.

Усевшись на куда более крупное золотое гнездышко, Мо Гуньгунь с глуповатым видом зажал в лапках побег бамбука и наблюдал, как чудовище шастает туда-сюда внутри темных обломков.

Точно не опасна! Проведя серию скрытых наблюдений и личных испытаний, Мо Гуньгунь окончательно в этом убедился.

Придя к такому выводу, панда потерял всякую способность сидеть на месте: очевидно, эту черную вещь он видел впервые за всю свою короткую пандочью жизнь. Любопытство распирало его изнутри. Подбросив за спину побег бамбука для храбрости, Мо Гуньгунь

семенил к входу и принялся воровато заглядывать внутрь, то вытягивая, то втягивая голову.

Поглазев так некоторое время, он зацепился двумя пушистыми передними лапками за край и попытался втиснуться внутрь обломков, которые находились на некоторой высоте.

Когда Лу Сяоци закончил работу, его взору предстала картина: мохнатый комочек цеплялся за порог двумя передними лапами и одной задней, вторая задняя лапа и большая часть туловища болтались в воздухе, а круглый зад непрерывно покачивался в попытках усердно взобраться наверх.

В глазах Лу Сяоци мелькнула усмешка.

Ночью Мо Гуньгунь вернулся с богатой добычей и, радостно прижимая к груди подаренный великаном красный шар, погрузился в сладкий сон.

Даже Лу Сяоци, глядя на круглую луну в ночном небе, отдыхал с предельной осторожностью.

В каком-то крошечном дупле внезапно вспыхнул красный свет, и тело Мо Гуньгуня, все еще державшего шар четырьмя лапами, судорожно изогнулось, превратившись в маленького пухлого человечка. Красный шар вспыхнул вновь, и пухлый малыш беззубо зевнул, после чего, совершенно ничего не соображая, снова обратился в пушистый ком.

Даже будучи трусишкой, панда превращается в липучку.

Этой ночью тело Мо Гуньгуня под вспышками алого света менялось несколько раз.

Когда луна поднялась к самому куполу небес, в маленьком дупле свернувшись калачиком спал голенький малыш, посасывая пальчик и сладко сопя.

Мимо со свистом пронесся завитки прохладного ветра, и черноволосый ребенок шмыгнул носом, издав крошечный, нежный чих.

Замерзнув, малыш перевернулся на другой бок, изо всех сил зарылся в сухую траву и, обхватив пухлые ножки ручонками, заснул крепким сном.

Брошенный в стороне красный шар мигнул пару раз и окончательно погас.

Хлоп.

Молочный пузырек на губах лопнул, сонный маленький человечек присел, тихонько угукнул, опустил голову и смутно заметил, что с ним что-то не так — на пухлых ручонках явно чего-то

не хватало. Сквозь затуманенный сон он пригляделся снова, и все вернулось в норму.

Лишившись алого сияния, Мо Гуньгунь снова превратился в панду и хлопнул себя по пушистым лапкам.

Озадаченно моргнув, он перевернулся, обнял чашечку с водой и приготовился спать дальше.

Засыпая, он смутно подумал, что ему, должно быть, приснился кошмар: во сне он стал точь-в-точь как то чудовище, у него даже вся шерсть повылезала.

Какой ужас.

Вздвогнув, Мо Гуньгунь почмокал раздвоенной на три части губой и изо всех сил зарылся в сухую траву.

Совершенно не подозревая о потрясших его переменах, Мо Гуньгунь проспал как убитый и с комфортом продрых до самого утра.

Утром, прекрасно выспавшись, он обнаружил сладковатую воду и спрятанные свежие побеги нежного бамбука. Счастливый маленький панда был готов взвыть к небесам, выражая свою радость и ликование.

Наевшись наполовину, он протянул лапку и потрогал круглый шар.

То ли ему показалось, но шар вроде бы уже не так ярко сиял, как вчера, и словно немного уменьшился в размерах.

Мо Гуньгунь обошел вокруг красного шара, озадаченно склонив голову набок и долго размышляя, но в конце концов бросил это безнадежное дело. Осторожно спрятав шар и пересчитав все свои сокровища, он взвалил на спину вторую чашку и отправился в поход к бамбуковому раю.

Сегодня он не собирался ломать бамбук, его целью был ароматный, вкусный мед. Хотя главным рационом панд всегда был бамбук, по своей природе они действительно обожали сладкое. И пусть меда им перепало немного, обжора Мо Гуньгунь ждал этого с нетерпением.

Жажда испытать этот великолепный вкус и раздобыть побольше воды, Мо Гуньгунь испробовал все мыслимые и немыслимые способы.

У великана было слишком много сокровищ, и малыш до смерти боялся, что его ежедневные побеги бамбука ему наскучат.

Додумавшись до такого, Мо Гуньгунь решил, что он — самая умная панда на свете, а остальные точно не обладают таким умом.

Покружив вокруг пчелиного улья, Мо Гуньгунь начал карабкаться вверх.

Он был еще совсем крошечным, и с большой чашкой за спиной издалека выглядел крайне комично — по крайней мере, Лу Сяоци, наблюдавший за ним со стороны, не удержался от улыбки.

Малыш выставил наружу кругленький зад, а крошечный хвост непрерывно вилял из стороны в сторону, словно пытаясь всем напомнить о своем существовании.

На вид толстенький, а по дереву карабкается очень ловко, подумал Лу Сяоци, храня молчание.

Вот только тащить за спиной такую громадину — бедняга, наверное, жутко устал.

С пыхтением взбравшись на дерево, Мо Гуньгунь устался на улей с обильным слюноотделением и облизал влажный носик.

До чего же хорошо пахнет.

Нежные лапки так и чесались, панда уже был готов ради еды и вечного источника воды пойти на любые подвиги.

Внимательно понаблюдав за пчелами, Лу Сяоци помрачнел.

Это были ядовитые пчелы.

А Мо Гуньгунь уже протянул свои греховные лапки.

Заметив нарушителя, пчелы мгновенно пришли в боевую готовность, а их жало зловеще блестело на свету. Они с жужжанием бросились на Мо Гуньгуня.

Мо Гуньгунь помнил мамин наказ: защищай нос и рот, а толстой медвежьей шкуры хватит на все остальное. Однако применить усвоенные от матери навыки он не успел: пчелы одна за другой зажужжали зигзагами и градом попадали на землю.

Мо Гуньгунь: «Σ(°△°|||)□»

Ч-что, что случилось?!

Поспешно убрав лапки и вцепившись четырьмя короткими конечностями в ветку, он вытянул голову и заглянул вниз.

Напуганный и растерянный малыш дрожал всем телом, но когда он увидел великана, державшего дымящийся факел, то замер.

Мо Гуньгунь: «Мхм!»

Лу Сяоци покрутил факелом вокруг улья, убеждаясь, что все пчелы потеряли сознание, после чего протянул руку и снял малыша с дерева.

Случайно подобрав дикого панденка, Лу Сяоци усадил его себе на плечо.

Лу Сяоци постучал прожогу по лбу: «Жить надоело?»

Мо Гуньгунь был безумно обижен.

Мо Гуньгунь: «Мхм! Мхм-мхм!»

Лу Сяоци: «.....» Еще и спорит.

Лу Сяоци: «Не так?»

Мо Гуньгунь выпрямил маленькое тельце: «Мхм, мхм-мхм-мхм».

Строптивый огонек пылал вовсю. Лу Сяоци слегка растерялся, сунул комочек прямо в карман и протянул руку, чтобы забрать улей.

Мо Гуньгунь в тревоге высунул головку и, увидев, что великан конфисковал улей, тут же опустил уши.

Его отчаянию не было предела.

Надежда разжиться водой рухнула, и Мо Гуньгунь чуть не вгрызся в бамбук: QAQ, и что теперь делать.

Он так хотел поделиться с великаном, а тот всё взял и забрал.

Мо Гуньгунь грустил всё сильнее.

Лапки, цеплявшиеся за карман брюк, медленно втянулись внутрь, и всё его крошечное тело сжалось в тесном кармане в тугой круглый комок.

Лу Сяоци наполнил емкость медом и вернул слегка поврежденный улей на прежнее место.

Вторая чашка, доставшаяся Мо Гуньгуню, была прозрачной, и в ней отчетливо виднелась светло-желтая густая жидкость.

Поставив чашку на землю, Лу Сяоци вытащил из кармана меховой комочек и посадил его прямо на нее.

Очутившись верхом на сокровище, Мо Гуньгунь уловил носом сладкий аромат, и расстроенный пухлик мгновенно подскочил.

Мо Гуньгунь с глуповатым видом заморгал.

Хвост Лу Сяоци легко взметнулся, и в несколько быстрых движений перед малышом ровно в ряд выстроилось больше ста пятидесяти побегов бамбука.

Мо Гуньгунь: «.....»

Мо Гуньгунь: «□□□□»

Великан потратил всего две секунды на то, на что у него самого уходило много времени, а то и несколько дней. Причем сделал это быстро, четко и безжалостно, полностью подавив волю малыша. Мо Гуньгунь даже забыл о своей горе и восторженно уставился на хвост великана — он вдруг понял, что этот черный хвост привлекает его куда больше, чем те не слишком зеленеющие волосы на чужой голове.

Лу Сяоци опустил взгляд, встречаясь взглядом с малышом.

Глаза Мо Гуньгуня сияли, казалось, он лишился дар речи от удивления.

Лу Сяоци: «.....»

Безнадежно вздохнув, он подхватил малыша, собрал полную чашку меда и эту стопку бамбука и понес всё с собой.

Будучи страстным обжорой, Мо Гуньгунь разрывался между двумя желаниями: ему хотелось то любоваться своей драгоценной чашкой с водой, то во все глаза пялиться на этот мощный хвост.

Видя, как малыш вертится по сторонам, то и дело заглядывая то туда, то сюда, Лу Сяоци не стал ему мешать.

В полной гармонии они добрались до маленького дупла Мо Гуньгуня.

Лу Сяоци аккуратно уложил сотню с лишним побегов у самого входа, вровень с чашкой с водой. После чего, поддерживая малыша, посадил его на большое фиолетовое гнездышко.

Присев на корточки, Лу Сяоци легко погладил ошарашенного панденка по голове: «Поешь сегодня здесь».

Ему предстояло углубиться в чашу леса, и оставлять эту кроху одну он не решался. Вокруг как раз проходила линия его патрулирования, так что здесь было относительно безопасно. Малышу требовалось много еды для поддержания сил, но брать его с собой в лесную глушь Лу Сяоци не собирался — для маленькой панды таящие там опасности были неизвестны.

Лу Сяоци дал ему пару напутствий.

Мо Гуньгунь склонил голову набок, переводя взгляд с фиолетового гнезда на чашку с медовой водой, и у него натурально глаза на лоб полезли.

Оу-оу-оу!

Великан, неужели всё это предназначается ему?

Осторожно покосившись на великана, Мо Гуньгунь издал мягкий писк: «Мхм?»

Лу Сяоци: «Всё твое».

Он наугад вытащил один побег бамбука, сунул его в лапы Мо Гуньгуню и указал на чашку с водой.

Расы разные, язык чужой. Но Мо Гуньгунь всё понял.

Малыш замер от изумления, его можно было назвать сраженным наповал: «Мхм, мхм-мхм-мхм?»

Лу Сяоци: «Ешь».

На глазах у великана Мо Гуньгунь осторожно содрал с бамбука кожицу и откусил кусочек.

Лу Сяоци кивнул.

Воодушевленный этим, Мо Гуньгунь откусил еще раз, усердно зажевал, и его ротик задвигался туда-сюда.

Панда сидел, вгрызаясь в бамбук и переполняясь такой бурей эмоций, что от умиления чуть не расплакался. Прижимая к груди побег, он дал себе зарок: он обязательно станет самой лучшей пандой в мире, чтобы отблагодарить великана.

Увидев, что малыш всё понял, Лу Сяоци поднялся и собрался уходить вглубь леса.

«Мхм-ау!» — испугался Мо Гуньгунь.

Резко вскочив, он бросился в погоню за великаном, сделал пару шагов, свернулся в шарик и кубарем скатился со склона пищевой горы прямо к ногам Лу Сяоци.

Вообще-то бегал Мо Гуньгунь неуклюже, но катился весьма резво.

Малыш испуганно пискнул, Лу Сяоци озадаченно обернулся, и на его стопу тут же шлепнулась прилипчивая панда.

Лу Сяоци шагнул влево — черно-белый комочек покатился следом и шмякнулся прямо на его ботинок.

Шагнул вправо — картина повторилась. Мо Гуньгунь вцепился четырьмя короткими лапами в его обувь, тут же пополз вверх и, решив, что щиколотка — отличное место, крепко обнял ее и уселся.

Лу Сяоци: «.....» Дергая уголок глаза, он опустил голову и встретился взглядом с бесстыдным прилипалой.

Мо Гуньгунь жалобно и невинно пискнул.

Лу Сяоци: «.....»

Теперь в сердце Мо Гуньгуна великан занял статус создания необыкновенной доброты, и панда, отбросив последние остатки страха, превратился в сплошной липучий комок.

Никогда еще Лу Сяоци не встречал столь навязчивых малышей, но на душе у него почему-то стало чуточку теплее.

Однако углубляться в лес было слишком опасно.

Лу Сяоци протянул руку, приподнял малыша и поставил на землю: «Я уйду на пару дней, а ты сиди здесь и спокойно ешь».

Мо Гуньгунь задрал голову, глядя на него черными бусинками глаз: «Мхм».

Стоило Лу Сяоци повернуться, как назойливый комочек снова посеменил короткими лапками следом, а на его мордочке застыло выражение крайнего недоумения.

Казалось, малыш спрашивал: «А почему ты не идешь?»

Лу Сяоци: «.....»

Долгое время храня молчание, он наконец сдался под все более тревожным взглядом крохи.

Ладно, его собственные раны зажили почти полностью, так что защитить одного малыша он вполне сможет. Подняв кроху и усадив себе на плечо, Лу Сяоци вернулся на пару шагов назад и хвостом подхватил стопку бамбука вместе с чашкой воды...

Живой скелет хочет есть людей.

Сидя на своем почетном месте, панда без остановки чмокал ртом.

С великаном за спиной Мо Гуньгунь, хоть и испытывал легкую тревогу, все же стал вести себя гораздо наглее. Его блестящие черные глазенки зорко следили за всем вокруг, но больше всего внимания уделялось тому самому чуть покачивающемуся хвосту.

Черный хвост был покрыт чешуей, а на конце красовался острый шип, выглядевший донельзя опасным.

Мо Гуньгунь собственными глазами видел, как этот хвост за мгновение разрубил страшную большую бамбуковую крысу, и когда он подбирался ближе, инстинкты смешивали страх с восхищением. Привязав бамбук за спиной, Мо Гуньгунь развернулся и лег лицом назад, продолжая во все глаза глазеть по сторонам.

Лу Сяоци скосил глаза и машинально шевельнул хвостом, отчего малыш с восторгом повернул голову обратно.

Замешательство мелькнуло и тут же пропало; Лу Сяоци окинул взглядом окрестности, и хвост снова послушно качнулся.

После нескольких таких проверок —

Хвост.

Лу Сяоци: «.....»

Он наконец четко понял, к чему приковано внимание крохи, и испытал нечто вроде беспомощной усмешки. В то же время в его душе странным образом зашевелилось чувство гордости — из-за того, что все эти движения происходили слишком быстро, их не замечал даже сам генерал.

Его драконья чешуя была прочной и острой, поэтому для пушистого комочка она представляла огромную опасность. Одно неверное движение — и можно глубоко пораниться.

Из глубь леса постепенно начало веять зловещей атмосферой, и Мо Гуньгунь от одного этого запаха почувствовал себя дурно.

Он зарылся в шею босса, свернувшись клубочком.

Лу Сяоци остановился: «В чем дело?»

Поддерживая передние лапки пушистика, он внимательно осмотрел его.

Мо Гуньгунь уставился своими черными бусинками глаз на великана и озадаченно моргнул. Интересно, о чем это великан толкует?

Благодаря теплой ладони великана ему сразу стало легче, а резкий, бьющий в нос запах заметно ослаб. Мо Гуньгунь потерся о его пальцы и распластался на ладони, вытянув все четыре короткие конечности наподобие маленькой черепашки и намертво вцепившись в нее.

Обхватив ладонь лапками, Мо Гуньгунь приоткрыл рот, легонько куснул ее, а затем лизнул.

Лу Сяоци: «.....»

Видавшего виды генерала в этот момент буквально сковало от макушки до пят. Его еще никогда в жизни не лизали, а это влажное, теплое прикосновение...

Лу Сяоци неподвижно уставился на принимающего панденка и долго не мог вымолвить ни слова.

Великан хранил каменное выражение лица, а его взгляд был донельзя свирепым. Мо Гуньгунь

слегка занервничал, но никакой жажды убийства от него по-прежнему не исходило.

<http://bllate.org/book/21220/2147338>